

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ

УДК 821.161.1-31(Пушкин А. С.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-13.

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-6,444. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

ВОКРУГ МИНИХА: О СКРЫТОМ СЮЖЕТЕ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА

Зверева Т. В.

Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

А н н о т а ц и я . Впервые в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» выделен самостоятельный сюжет, связанный с именем Х. А. Миниха. В статье доказано, что судьба немецкого фельдмаршала связана не только с размышлениями Пушкина над закономерностями русской истории, но и с «биографическим сюжетом». Во-первых, Миних соединяет две линии пушкинского рода, восходящие к именам Абрама Петровича Ганнибала и Льва Александровича Пушкина. Во-вторых, в жизни Миниха Пушкин усматривает параллели с собственной судьбой. По мнению автора статьи, ключевой в романе является проблема возвращения нравственного долга. В период написания «Капитанской дочки» Пушкин решал для себя важнейшие вопросы, связанные с его личными взаимоотношениями с властью. В исследовании впервые в связи с последним пушкинским романом привлечены мемуары Миниха, написанные им в последние годы жизни для Екатерины Второй («Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи» 1774 г.). Автор статьи показывает, что в некоторых аспектах понимание русской истории у Пушкина восходит к заключениям Миниха. Таким образом, история XVIII в. стала для поэта своеобразным зеркалом, в которое он вглядывался, пытаясь понять не только современность, но и самого себя.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; исторические романы; биографические сюжеты; аллюзии; декабристы.

REGARDING KH. A. MINIKH: A HIDDEN PLOT IN "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" BY A. PUSHKIN

Tatyana V. Zvereva

Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Abstract. An independent theme connected with the name of Count Khristofor Antonovich Minikh (Burkhard Christoph Graf von Münnich) is highlighted for the first time in the novel 'The Captain's Daughter' by A. Pushkin. The paper proves that the German field marshal's fate is connected not only with Pushkin's reflections on patterns and regularities of the Russian history but with a 'biographical theme' as well. Firstly, Kh. A. Minikh unites two lines of Pushkin's family ascending to the names of Abram Petrovich Gannibal and Lev Alexandrovich Pushkin. Secondly, A. Pushkin traces correlations to his own fate in Kh. A. Minikh's fate. The author of the paper believes the problem of moral obligation repay to be the key one in the novel. While working on

'The Captain's Daughter', A. Pushkin was resolving some crucial issues related to his relationship with the authorities. For the first time the memoirs by Kh. A. Minikh written during his last years for Catherine II ('An Essay Defining the Form of Government of the Russian Empire' (1774)) are used in connection with Pushkin's last novel. The researcher demonstrates that A. Pushkin's understanding of the Russian history ascends to Kh. A. Minikh's conclusions. Thus, the 18th century history became a kind of a mirror for the poet peering into which he tried to understand the contemporary life as well as himself.

Key words: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters; historical novels; biographical plots; allusions; Decembrists.

Для цитирования: Зверева, Т. В. Вокруг Миниха: о скрытом сюжете в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина / Т. В. Зверева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 161–168. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-13.

For citation: Zvereva, T. V. (2021). Regarding Kh. A. Minikh: a Hidden Plot in "The Captain's Daughter" by A. Pushkin. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 161–168. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-13.

В начале 1830-х гг. А. С. Пушкин писал П. Вяземскому, что желает «пуститься в политическую прозу» [Пушкин 1959–1962, т. 9: 312]. Пушкина, конечно, интересовала, прежде всего, современность. Неоднократно говорилось о том, что в «Капитанской дочке» отразились события 14 декабря 1825 г. [Невелев 1985; Богданова 2019; Зверева 2019]. Наиболее полно, правда в конспективном виде, исторические и политические реалии «Капитанской дочки» отражены в комментарии М. И. Гиллельсона и И. Б. Мушиной [Гиллельсон, Мушина 1977].

Сюжетно ориентированный на традицию Вальтера Скотта роман при медленном прочтении оборачивается текстом, в котором, с одной стороны, пунктирно намечены важнейшие события XVIII в., с другой – обозначены переплетения родовой истории Пушкиных с историей России послепетровского времени. Этот сложный аллегорический узор наложен на современность. 2 апреля 1834 г. в дневнике Пушкина появляется примечательная запись, в которой говорится о личной встрече с опальным М. Сперанским: «Он отвечал мне комплиментами и советовал писать историю моего времени» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 325]. Ставший предметом художественного осмысления екатерининский век неразрывно связан с современностью; в записях поэта XVIII столетие и 1825 г. часто стоят рядом: «Падение постепенное дворянства; что из того следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.» [Пушкин 1959–1962, т. 6: 354]. В результате подобной авторской стратегии возникает тот смысловой объем, без учета которого вряд ли возможно подлинное понимание текста.

Прежде всего, «Капитанская дочка» проецируется на историю воцарения, отречения и гибели Петра III. Загадочные обстоятельства смерти императора – своеобразная экспозиция романа. Пугачев самовольно нарекает себя именем свергнутого императора. Отчасти авторская ирония в тексте связана с тем, что в основании фабулы лежит противостояние двух Петров – Петра Гринева и Петра III / Пугачева. Безусловно, в тексте угадывается и незримое присутствие Петра Первого, чьи реформы не только в корне преобразили Россию, но и породили неразрешимые противоречия. Необходимо также иметь в виду, что восстание Пугачева происходило во времена русско-турецкой войны (1768–1774 гг.). Именно этим обстоятельством, по мнению А. Осповата, объясняется решение отца послать своего сына не в Петербург, а в глубинку России, далекую от кровопролитных сражений [Осповат 2001: 359]. Этот двойной референтный план соотнесен, с одной стороны, с будущим (прежде всего, с 1825 г., отчасти с 1830–1831 гг.), с другой – с прошлым, уводящим во тьму веков.

Н. Н. Страхов усматривал сходство романа «Война и мир» с «Капитанской дочкой»: «Во-первых, это – хроника, т. е. простой, бесхитростный рассказ, без всяких завязок и запутанных приключений, без наружного единства и связи. Эта форма, очевидно, проще, чем роман, – ближе к действительности, к правде: она хочет, чтобы ее принимали за быль, а не за возможность» [Страхов 1901: 292]. В силу исходной авторской установки на «быль» пушкинский роман лишен традиционной литературной завязки, он сра-

зу же погружает читателя в водоворот русской истории: «Отец мой Андрей Петрович Гринева в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году» [Пушкин 1984: 7].

Имя Миниха – важнейшее в «Капитанской дочке». Можно говорить о наличии «именного сюжета»: в начале романа имя графа названо полностью, затем представлено в редуцированном виде («и... когда... покойным фельдмаршалом Мин... походе... также и... Каролинку...») [Пушкин 1984: 18]), далее автор говорит о нем опосредованно. Таким образом, имя немецкого фельдмаршала как бы «растворяется» в тексте, а заодно – и в русской истории / метели.

Христофор Антонович Миних (Бурхард Христоф фон Мюнних) – одна из немногих исторических фигур, проходящая почти через все XVIII столетие (от Петра Первого до Екатерины Второй). Стремительные взлеты и падения, близость ко двору и опала, Петербург и Сибирь, постоянное предстояние смерти – все эти перипетии нерусского фельдмаршала свидетельствуют о метаморфозах русской истории. Один из самых значимых эпизодов в «Капитанской дочке» связан с захваченным в плен «изувеченным башкирцем». Обреченный на гибель пленник Белогорской крепости уже на следующий день будет вершить казнь над капитаном Мироновым и его подчиненными. Заметим, что подлинная история государства Российского еще более затейлива, нежели художественный вымысел. После смерти Анны Иоанновны в 1740 г. Миних приказывает арестовать Бирона: фаворит императрицы отправлен вначале в Шлиссельбург, а затем в ссылку. Спустя год уже сам Миних приговорен к смертной казни, смягченной однако по величайшему елисаветинскому указу ссылкой в Сибирь. На пути к месту «нового назначения» Миних встречает Бирона, который к этому времени освобожден и возвращается в столицу. Думается, что судьба не-

мецкого фельдмаршала стала для Пушкина символом непредсказуемости русской истории. Расстояние, отделяющее первое лицо Российской империи от «последнего», призрачно; Россия – страна причудливых политических игр, где «верх» и «низ» молниеносно меняются местами.

В «Капитанской дочке» Пушкин еще не раз вернется к имени Миниха. Отец Гринева отправит рекомендательное письмо своему старому другу Андрею Карловичу – человеку, с которым связаны воспоминания военной молодости. «Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: „Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!“» [Пушкин 1984: 17]. Исходя из текста письма, написанного Андрею Карловичу, старший Гринева нес службу до опалы Миниха, т. е. речь идет о правлении Анны Иоанновны. Из двадцатилетней елисаветинской ссылки фельдмаршал был вызволен указом Петра III. Очевидно, что накануне судьбоносного для России дворцового переворота 1762 г. Андрей Петрович уже находился в отставке. Впрочем, принцип пушкинских «недоразумений» и «противуречий» позволяет интерпретировать данный сюжет иначе. Вследствие того, что анахронизмы являются конструктивным принципом пушкинского текста¹, читатель вправе приписывать Андрею Петровичу Гринева участие в событиях 28 июня 1762 г. На эти размышления наводит следующий эпизод романа: «...батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: „Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...“» [Пушкин 1984: 8]. Из приведенной фразы следует, что служил батюшка не так давно, отчет-

¹Одним из первых на хронологические смещения в «Капитанской дочке» указал П. Я. Вяземский: «Кажется зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы» [Пушкин 1984: 236]. См. также на парадокс, отмеченный М. Цветаевой: «Он (Пушкин. – Т. 3.) так занят Пугачевым и собой, что забывает post factum постарить Гринева, и получается, что Гринева на два года моложе своей Маши, которой – восемнадцать лет!» [Цветаева 1980: 378]. Наиболее детально трансформации времени рассмотрены в статье Кондратьевой-Мейксон, указавшей на алогичность пушкинского календаря [Кондратьева-Мейксон 1987: 168–176].

го и удивляется стремительной карьере своего сержанта¹.

В финале романа историческое время снова обращается вспять, захватывая не только начало XVIII в., но и XVII в. русской истории – эпоху «пращуров», восходящую к мифологической эпохе первогероев. Раздавленный горем старший Гринев восклицает: «Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святыней своей совести; отец мой пострадал вместе с Воынским и Хрущевым» [Пушкин 1984: 79]. Как известно, суд над Воынским был в 1740 г., т. е. время службы Андрея Петровича совпадает с государственной деятельностью его отца. В результате семейная хроника осложняется еще одним родовым сюжетом: в то время как А. П. Гринев верно служит Анне Иоанновне, его отец вместе с Воынским участвует в заговоре против императрицы.

С Минихом в «Капитанской дочке» связаны не только отец Гринев и Андрей Карлович, но и капитан Миронов. Скромное жилище капитана украшено лубочными картинками, две из которых воспроизводят военные эпизоды, связанные с действиями фельдмаршала, – взятие Очакова и Кистрина. Упоминание этих сражений необходимо Пушкину не столько для углубления исторической перспективы, сколько для выявления скрытых механизмов русской истории. В этом аспекте особенно важны очаковские события. Знаменитая турецкая крепость была взята в 1737 г. во время Крымского похода Миниха, но впоследствии отдана по условиям Белградского мира. Действие «Капитанской дочки» разворачивается в период очередной русско-турецкой войны 1768–1774 гг., во время которой русская армия так и не смогла подступить к крепости. Повторное взятие Очакова произойдет только в 1788 г. в результате штурма, осуществленного Потемкиным.

Аллюзивный план, таким образом, соединяет различные исторические пласты, выявляя константы исторического бытия. Русская история, по Пушкину, есть трагикомическое повторение одних и тех же событий – бесконечное взятие одной и той же «крепости». Однако для понимания последнего пушкинского романа значимы не только исторические сплетения. Гораздо большее значение имеет то, что образ Миниха теснейшим образом связан с «авторским сюжетом»: в XVIII столетии судьба «русского немца» вплотную соприкоснулась с пушкинским родом².

Когда-то Миних спас попавшего в немилость властям Абрама Ганнибала. Вспомнив о выдающихся инженерных способностях петровского арапа, фельдмаршал воспользовался своей близостью ко двору и доверием Анны Иоанновны и вызволил пушкинского прадеда из сибирской ссылки. Заметим, что имя Абрама Петрова Ганнибала зашифровано в первой главе романа. Петруша-Недоросль прикрепляет мочальный хвост воздушного змея к той части географической карты, где отмечен африканский мыс Доброй Надежды. Именно этот эпизод станет решающим и поворотным в судьбе главного героя – с него начнется «изгнание из рая»³. Так или иначе, инициация героя связана с Африкой, упоминание которой никогда не бывает у Пушкина случайным.

С Минихом был связан и дед поэта со стороны отца – Лев Александрович Пушкин, о котором Пушкин писал в «Моей родословне»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра

[Пушкин 1959–1962, т. 2: 331].

В «Table-talk» Пушкин также зафиксировал этот факт родовой истории: «Дед мой Лев Александрович во время мятежа 1762 г. остался верен Петру III – не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость... Через два

¹ К дворцовому перевороту 1762 г. ведет еще один эпизод романа. Петруша, как известно, был записан в Семеновский полк, куда в конечном итоге не был отправлен. Одной из возможных причин отцовского запрета может служить то, что Екатерина II возглавила поход против Петра III в мундире обер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка, т. е. семеновский полк в сознании старшего Гринева связан с изменой. Заметим, что впоследствии офицеры семеновского полка приняли участие еще в одном дворцовом заговоре 11 марта 1801 г. (убийство Павла I). Эта дата выходит за пределы хронологии романа, но ее автор о ней всегда помнил.

² О присутствии автора в «Капитанской дочке» см. также исследование В. С. Листова [Листов 2002: 145–166].

³ Интересно, что у африканского мыса имелось и другое название – мыс Бурь. В этом аспекте пушкинский топос содержит в себе завязку второй главы, где происходит первая встреча Гриневы с «метелью / буряном».

года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 286].

Таким образом, Миних «соединяет» две ветви пушкинского рода. Связанные с Минихом события 1762 г. всегда находились в центре творческого и исторического внимания Пушкина (известно, например, что в 1830-е гг. он внимательно читал секретные на тот момент «Записки княгини Е. Р. Дашковой» и «Записки императрицы Екатерины II»). Прежде всего, подобный интерес обусловлен тем, что именно 1762 г. послужил причиной раскола русского дворянства. В подготовительных материалах к незавершенному «Дубровскому» имеется, например, следующая фраза: «Славный 1762 год разлучил их (старого Дубровского и Троекурова – Т. 3.) надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору» [Пушкин 1959–1962, т. 5: 329]. За далекой историей Пушкин усматривал современность – за 28 июня маячило 14 декабря 1825 г.

Пушкин, давший высокую оценку решению Миниха остаться при Петре III, конечно же, отдавал себе отчет, что историческая правда была не на стороне отрекшегося императора. В свою очередь такой искусный царедворец как Миних также вряд ли заблуждался относительно государственных способностей Петра III. Тем не менее, фельдмаршал до последнего, рискуя собственной жизнью, оставался на стороне опального императора. По-видимому, решающим стало то, что именно Петр III вызволил его из двадцатилетней сибирской ссылки. Одна из нравственных проблем романа «Капитанская дочка» – проблема платежа. Миних сполна расплачивался за дарованную ему свободу, памятуя русскую поговорку – ту, которую впоследствии Пушкин вложит в уста Пугачева: «Долг платежом красен».

Не проступает ли в этой истории судьба самого Пушкина, теснейшим образом связанная с императором Николаем I? Возвращение из ненавистной Михайловской ссылки, прощение поэта и дарование свободы – все это

неизбежно ставило Пушкина в двойственное положение: как историк он хорошо видел ошибки нового императора; как человек не мог не отвечать ему благодарностью¹. Как и Миних, который когда-то встал на сторону заведомо проигравшего, Пушкин пытался внутренне примириться с непопулярной в кругах русской аристократии политикой Николая.

Время написания «Капитанской дочки» стало одним из самых драматических периодов пушкинской жизни. Обращаясь к истории XVIII в., поэт пытался разрешить не только насущные вопросы современности, но и разрубить гордиев узел, связавший его с императором. «Век не забуду ваших милостей», – произносит Пугачев в романе. Между тем жизнь подходила к концу, и Пушкин остро чувствовал это. И благодарить императора «века» за оказанную милость становилось невыносимо... Оплата нравственного долга, возвращение платежа – тяжелейший груз, который лег на поэта в последние годы.

Интересно в этом аспекте еще раз обратиться к завету Андрея Петровича Гринева: «Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни поговорку: береги платье снову, а честь смолоду» [Пушкин 1984: 9–10]. Главный герой романа следует отцовским словам и сохраняет свое доброе имя. Однако для самого автора проблема, лежащая за словами старого Гринева, оставалась неразрешимой: возможно ли сегодня следовать нравственным принципам XVIII в.? Как должен вести себя дворянин, обязанный власти? Гениально данный сюжет будет «дописан» Л. Н. Толстым в финале «Войны и мира». События эпопеи обрываются накануне декабристского восстания. Идейной кульминацией эпилога станет спор Николая Ростова и Пьера Безухова. Николай Ростов (будущее воплощение Петра Гринева) завершит его страшными словами: «Ты говоришь, что у нас все скверно и что будет переворот; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дело, и на это

¹ Отчасти этими обстоятельствами обусловлено написание таких стихотворений, как «Стансы», «Бородинская годовщина», «Клеветникам России». Оправдание польских событий 1830–1831 гг. привело к ссоре с Адамом Мицкевичем, который позволил себе откровенную оценку действий русского поэта. Позиция Пушкина по отношению к польскому вопросу была холодно встречена многими друзьями, в том числе Петром Вяземским.

я тебе скажу: что ты лучший мой друг, ты это знаешь, но, составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадромом и рубить – ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди как хочешь» [Толстой 1970: 667]. Автор «Капитанской дочки» не случайно отправил своего героя в далекую Симбирскую губернию. Очевидно, что в 1825 г. Петр Гринев оказался бы на стороне тех, кому присягнул. В отличие от героя, живущего в стороне от большой истории, сам Пушкин всегда находился в ее эпицентре. В период написания романа приходит ясное осознание, что заветы отцов утратили свою былую силу. Необходимо было выработать свой собственный взгляд на современность.

Наконец, важной для понимания романа является еще одна тематическая линия. Правление Екатерины II началось с прощения Миниха. Предчувствуя свой уход, Пушкин в последний раз напоминал русскому императору об основах правления. Когда-то в «Стансах» поэт соотнес начало николаевского царствования с петровской расправой над стрельцами и выразил надежду на «славное» будущее, теперь Пушкин говорит об единственно возможном начале правления – прощении. Век Екатерины II никогда не идеализировался поэтом, но, склонный к объективному взгляду на действительность, Пушкин понимал, что в случае с Минихом императрица проявила подлинное великодушие. Прощение той стороны русского дворянства, которое не приняло ее прихода, в том числе и деда Льва Александровича, было высоко оценено поэтом. Подобного великодушия Пушкин ждал и со стороны Николая I. Однако, если в начале 1830-х гг. он еще надеялся на прощение друзей («Каков государь? молодец! того и гляди наших каторжников простит – дай Бог ему здоровья» [Пушкин 1959–1962, т. 9: 365]), то к 1836 г. стало ясно, что помилования не последует – век Аракчеева и Бенкендорфа диктовал свои законы.

В литературоведческой науке уже давно утвердилась мысль о двусубъектности повествования в романе «Капитанская дочка» – сквозь слово героя проступает слово автора. В этой связи обычно говорится об одной из самых

известных пушкинских фраз: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1984: 74]. Однако это не единственная авторская сентенция, в тексте есть еще одна важная формула русской истории, по странному стечению обстоятельств почти совпадающая с размышлениями Миниха. Вероятно, Пушкину были хорошо известны мемуары Миниха, написанные им в последние годы жизни для Екатерины II. Впервые записки фельдмаршала вышли в 1774 г. под названием «Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement de l'empire de Russie» («Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи»). В этих записках отразились не только портреты русских императоров, но и осмысление русского государства. Именно Миниху принадлежит одно из самых известных высказываний о России: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует» [Миних 1874: 78]. В «Капитанской дочке» серьезные авторские размышления о стихийном характере русской истории перемежаются с ироническим взглядом на Россию. При описании белогорской крепости употреблен эпитет «богоспасаемая»: «В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов» [Пушкин 1984: 23]. Стоящая на семи ветрах крепость имеет одну не стреляющую пушку. У этой «белогорской пушки» имеется прообраз – это знаменитая Царь-пушка, один из главных символов Российской империи. Как известно, Царь-пушка была изготовлена как полноценное боевое орудие, но фактически ни разу не использовалась в сражениях. Символ пушкинской «богоспасаемой крепости» соотносим с «богоспасаемой Россией» Миниха. В подобном ключе Пушкин высказался и в 10 главе «Евгения Онегина»:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

[Пушкин 1959–1962, т. 4. 193]

«Капитанская дочка» будет завершена 19 октября 1836 г. В этот же день Пушкин изложит свое понимание истории в знаменитом письме к П. Я. Чаадаеву. В «Филосо-

фических письмах» Пушкину многое было чуждо как историку, но более всего поэта смущало высокомерное отношение Чаадаева к русской истории – тот взгляд извне, который делал размышления философа холодными и отстраненными. Для Пушкина подобная позиция неприемлема; характерно, что в венчающем творчество «Памятнике» возникнет сочетание «мой жестокий век». Выбор притяжательного местоимения носит программный характер – поэт не вправе отделять себя от времени, в котором ему довелось жить (век жесток, но это мой век, и другого времени не опущено). Вопреки внешним обстоятельствам позиция Пушкина сводилась к тому, чтобы вписать себя в «историю государства Российского»: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я да-

леко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» [Пушкин 1959–1962, т. 10: 310].

Последний пушкинский роман – это еще одно напоминание о связности судеб, о странных переплетениях, парадоксальных сближениях. Русская история XVIII в. стала своеобразным зеркалом, в которое поэт вглядывался, пытаясь понять не только современность, но и самого себя. Судьба опального Христофора Антоновича Миниха неожиданно предстала отражением пушкинской судьбы и XIX – «железного» – столетия.

Литература

- Богданова, О. В. Аллюзийный подтекст в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 365–370.
- Гиллельсон, М. И. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина. – Л. : Просвещение, 1977. – 192 с.
- Зверева, Т. В. Площадь и балаган: размышления над «Капитанской дочкой» Е. Михайловой / Т. В. Зверева // Уральский филологический вестник: Русская классика. Динамика художественных систем. – 2019. – № 4. – С. 123–134.
- Кондратьева-Мейксон, Н. По какому календарю?.. (Время и пейзаж в «Капитанской дочке») / Н. Кондратьева-Мейксон // Вопросы литературы. – 1987. – № 2. – С. 168–176.
- Листов, В. С. Автобиографическое в «Капитанской дочке» / В. С. Листов // FILOLOGICA. – 2002. – Т. 7. – С. 145–166.
- Миних, Б. Х. Записки фельдмаршала графа Миниха / Б. Х. Миних. – СПб., 1874. – 434 с.
- Невелев, Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов) / Г. А. Невелев. – М. : Мысль, 1985. – 205 с.
- Осповат, А. Л. Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки / А. Л. Осповат // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999 : материалы и исследования. – М. : ОГИ, 2001. – С. 357–365.
- Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – Л. : Наука, 1984. – 317 с.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1959–1962.
- Страхов, Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом / Н. Н. Страхов. – Киев, 1901. – 484 с.
- Толстой, Л. Н. Война и мир : в 2 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1970. – Т. 2. – 748 с.
- Цветаева, М. Сочинения : в 2 т. / М. Цветаева. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 2. – 638 с.
- Эйдельман, Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837 / Н. Я. Эдельман. – М. : Худож. лит., 1987. – 463 с.

References

- Bogdanova, O. V. (2019). Alluziyni'y podtekst v romane A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka» [Implied Allusions in A. S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter"]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. Vol. 12. Issue 3, pp. 365–370.
- Eidel'man, N. Ya. (1987). *Pushkin: Iz biografii i tvorchestva. 1826–1837* [Pushkin: Moments From Biography and Creative Activity. 1826–1837]. Moscow, Khudozhestvennaya literature. 463 p.
- Gillel'son, M. I., Mushina, I. B. (1977). *Povest' A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»* [A. S. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter"]. Leningrad, Prosveshhenie. 192 p.
- Kondrat'eva-Meikson, N. (1987). Po kakomu kalendaryu?.. (Vremya i peizazh v «Kapitanskoi dochke») [In What Calendar? (Time and a Landscape in "The Captain's Daughter")]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 168–176.
- Listov, V. S. (2002). Avtobiograficheskoe v «Kapitanskoi dochke» [Autobiographical Themes in "The Captain's Daughter"]. In *FILOLOGICA*. Vol. 7, pp. 145–166.

Minikh, B. Kh. (1874). *Zapiski fel'dmarshala grafa Minikha* [Notes of the Field Marshal of Count Minikh]. Saint Petersburg. 434 p.

Nevelev, G. A. (1985). «Istina sil'nee tsarya...»: (A. S. Pushkin v rabote nad istoriei dekabristov) ["The Truth is Stronger than the Tsar ...": (A. S. Pushkin's Work on the History of Decembrists)]. Moscow, Mysl'. 205 p.

Ospovat, A. L. (2001). Iz kommentariya k «Kapitanskoi dochke»: lubochnye kartinki [From the Commentary to "The Captain's Daughter": Lubok Prints]. In *Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde, 1999: materialy i issledovaniya*. Moscow, OGI, pp. 357–365.

Pushkin, A. S. (1959–1962). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works, in 10 vols.]. Moscow, GIKhL.

Pushkin, A. S. (1984). *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Leningrad, Nauka. 317 p.

Strakhov, N. N. (1901). *Kriticheskie stat'i ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom* [Critical Articles about I. S. Turgenyev and L. N. Tolstoy]. Kiev. 484 p.

Tolstoy, L. N. (1970). *Voyna i mir: v 2 t.* [War and Peace, in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. 748 p.

Tsvetaeva, M. (1980). *Sochineniya: v 2 t.* [Selected Works, in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. 638 p.

Zvereva, T. V. (2019). Ploshhad' i balagan: razmyshleniya nad «Kapitanskoi dochkoi» E. Mikhailovoi [The Farce and Buffoonery: Reflexions over "The Captain's Daughter" by E. Mikhailova]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik: Russkaya klassika. Dinamika khudozhestvennykh sistem*. No. 4, pp. 123–134.

Данные об авторе

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Author's information

Zvereva Tatyana Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Literature and Literary Theory, Udmurt State University (Izhevsk, Russia).